

ЧУДЕС НЕ БЫВАЕТ

Гулко бухнуло справа сзади. Выплеснулась земля. Бойцы упали в окопе. Кто почему. У Белькова зазвенело в ушах и между ними. Из левого потекло. Он замазал ухо глиной с сапога, но стало только хуже. Сердце не знало, что в ухе была дыра, и так же качало кровь, как и всегда. Даже от страха ещё быстрее. Кровь давила изнутри, не получая выхода, особенно – на глаза. Ещё взорвалось, но теперь дальше и безвредно.

- Сержант, на! – Кетанян пытался впихнуть между шершавыми губами Белькова начатую папиросу.

- Здесь опасно. Ни кустов, ни деревьев. Зря мы тут окопались. Сейчас снайперами с холма правого всех перебьют, - сказал сержант, а папиросу взял.

- Им виднее, начальникам-то, где копать.

- Снайперу виднее.

- И снайперу виднее. Ты чего глаза пучишь, сержант? – спросил Кетанян.

- На свои посмотри.

И тут в голове у Белькова что-то совсем оторвалось. Половина экрана потемнела. Он ещё не знал, что с глазом. Почувствовал недоброе и заплакал. Кетанян обнял своего сержанта и тоже задёргался в рыданиях, но вскоре затих, только крепко сжимал плечи.

Взрывалось уже где-то далеко за спиной, значит, скоро сюда подойдёт враг. Бельков давно понял, что обнимает его мертвец, но решил не скидывать тело. Кетанян пока тёплый, из окопа не видно опасностей, будто их нет. Нет и одного глаза. Бельков закрыл второй и уснул, прячась от боли и войны.

***

Деревья как будто поднимали ветер, от него дрожала вода в пруду, и не было видно поклёвок. Приходилось постоянно вытаскивать снасти и снова забрасывать, рискуя зацепиться, – осока разрослась.

- Не суетись. Жди, когда на утоп возьмёт, - учил Кетанян.

- Хлеб сдерут.

- Хлеба мало, что ли? Новый насадишь, - у Кетаняна было белое безволосое тело подростка, а лицо взрослое, небритое, грязное.

Зацеп.

- Докидался, - пробасил Кетанян.

Делать нечего, Бельков разделся и вошёл в воду.

- Тёплая, - Бельков поплыл, окуная голову.

В ушах забулькало, зашипело. Он перевернулся на спину. Солнце-фонарь яростно слепило. Бельков плыл без помощи рук, лишь ногами перебирая.

- Жив?

- Вроде жив.

«Конечно, жив. Что за вопросы?»

Он прищурил глаза. Тепло. Невесомо. Плыть бы так всегда и ничего и никуда не надо. Расслабился, а пруд-то и кончился. Голова ударилась о твёрдую окаменелую корягу. Почти небольно.

Двое, и у каждого по ноге. Спина горит под гимнастёркой. Бельков приподнял голову. Его куда-то бесцеремонно тащили, как ненужного. Шея сразу устала. Он подложил под затылок ладонь и покорился.

***

Нормально ходить по загону не получалось. Весь в тоннелях от бычьих ног, когда земля ещё была мягкая. Теперь эти ямы затвердели, высохли и превратились в опасные ловушки. На краю загона – четыре стены, а вместо крыши – дерево. В этом сарае спали или прятались от непогоды. Девять охраняли шестерых. Не до побега.

Оба глаза у Белькова шевелились синхронно, но видел мир только правый, отчего вид действительности съезжился, будто смотришь в дырку в заборе, которая получилась вместо потерявшегося сучка. Ухо его прочистилось от земли и крови, и теперь он скучал вместе с другими пленными. Одинаково медленно ползло время и для тех, кто охранял. Всех кусали насекомые, нагревало солнце, томило неизвестное будущее.

Занимались кто чем. Пленные усядутся кучкой и в основном молчат. Слушают дальние звуки сражений и близкую речь врага. Угадывают судьбу.

Охранники в губные гармонии неумело дуют или шутят, но видно, что не больно-то им и смешно. Один только из них – Эрик - домогался не раз к каждому в шашки сыграть. Но все всегда отказывались. Или шашки не любили, или – Эрика. Тот тогда к пленным пристал. Он и решил играть, ему, значит, предложено. Да и попробуй откажись? Отошли. Присели на лежащее дерево.

- На что играем? – выводывал ситуацию и настроение Бельков.
- А что у тебя есть? Обыскивали же?
- Я есть.
- И чего с тобой делать? – не понимал Эрик.
- Проиграю – расстреляешь при попытке к бегству. Выиграю – промахнёшься. Ты ничем не рискуешь, Йорик.
- Эрик я. Но меня тоже накажут. Могут и казнить.
- Ну как хочешь, - сказал Бельков и собрался уходить.
- Куда? – в голосе Эрика гремела угроза.

Бельков повернулся, рванул гимнастёрку. Посыпались пуговицы. И собирался уже рискнуть сказать обидное, трусом назвать, но Эрик уже расставлял белые шашки на своей половине доски.

Начало было равным. Каждый долго думал. Задние шашки подпирали передних, не оставляя пустот для манёвров. Страх ошибиться. Первым рискнул Эрик. Ему-то что? Пожертвовал две, но сразу отыграл и занял правый фланг на половине противника. От успеха всемогущий Эрик двинулся в атаку слева и не заметил прорех в обороне, обменял три на одну. Бельков равноценными размерами закончил партию победой.

- Ну? – спросил он.

Эрик не ответил, собрал шашки и ушёл.

***

Ближе к вечеру зашуршал спорый дождь. Пленные забились в свой сарай без крыши. Охранники, что на периметре, надели брезентовые плащи, остальные укрылись под навесом из таких же плащей. Развели там костёр, грели консервы, кипятили воду для чая. Пленные ели холодную тушёнку по банке на двоих.

После ужина перестали урчать желудки, и дождь тоже успокоился. Бельков подошёл к Эрику, но никак не мог начать разговор, который репетировал.

- На ночь меня сменят, - начал Эрик.

- Знаешь, Йорик, когда я был ребёнком, то подслушал где-то, что 31 декабря, ближе к ночи, надо поставить под ёлку ботинок, и тогда утром найдёшь в нём подарок, - вроде невпопад заговорил Бельков.

- Нашёл?

- Нет. Я ещё несколько лет пытался потом. Ботинок всегда стоял пустой. С тех пор я перестал верить в чудеса.

- Чудес не бывает, - сказал Эрик.

- А что бывает?

- Люди и совпадения.

- Это я понимаю, - сказал Бельков. – Пойду.

- Иди.

***

- Завтра я побегу, - шептал Бельков товарищам.

- Всем надо. Разбежимся. Кто-то и спасётся, - предложил один.

- Я не пойду, - сказал второй. – Поживу ещё.

- Никому больше не надо. Я свободу в шашки выиграл. Я - всё получится - приведу наших, - настаивал Бельков.

- Убьют.

- Я попробую.

***

Эрик заступил, когда только рассветало. Трава ещё белела росой, а в природе повисла тишина, какая бывает самым ранним утром, ещё до птиц. В сторону Эрика до кустов было метров семьдесят.

«Только бы не поскользнуться», - думал Бельков.

От последнего дождя он простыл и чувствовал слабость в ногах, а тело жгло изнутри температурой. И всё-таки он побежал. Перепрыгнул через невысокое ограждение и опять бежал. Смотрел лишь в землю впереди, как бы не потерять равновесие.

Только когда до кустов оставалось несколько шагов, застучал автомат. Как конфетти, рассыпались листья впереди на берёзе гораздо выше роста человека. Крики. Через секунды гремели в тишине уже два автомата, но Бельков был теперь не видим за кустами. Там он сразу повернул в сторону.

Бежал. Распихивал руками назойливые ветки густого кустарника, берёт последний глаз. Сзади непрерывно стреляли.

Очень скоро он устал и остановился. Замер. Пробовал прислушаться – мешало сердце. Металось слева, и даже справа и пульсом било по ушам. Показалось, будто погоня уходит в сторону. Этого Эрик не должен был делать. Значит, повезло. Теперь он шёл медленно, стараясь не наступать на хрупкие шумные ветки. А вскоре совсем остановился от болезненной потери сил. Упал, закатился под ёлку и уснул до темна без сознания.

***

А ночью приходил отец звать на охоту.

- Просыпайся, Лёша. Пора.

- Чего так рано?

- Так надо, - сказал отец.

- Мне холодно.

- Ладно, поспи ещё немного. Догонишь. Пойдёшь чуть правее от солнца. Километров пятнадцать, а там постреляем, найдёмся.

- Догоню.

Отец ушёл.

Теперь стало жарко, особенно пальцам левой руки. Бельков посмотрел, двух – не было. Рядом жевала одичавшая собака. Поодаль темнела ещё одна. От низа рубахи Бельков оторвал широкую полосу и неловко замотал пеньки пальцев. Подобрал палку.

Следующие пятнадцать километров он почти не запомнил. Только мутное за сплошными облаками солнце да собаки. Звери двигались чуть в стороне, иногда забегали вперёд. Одна подходила близко, думая нападать, но Бельков с размаху доставал до её морды палкой – отгонял. И думал уже, что не дойдёт и надо как-то себя умертвить, чтобы не ели живого, когда сквозь лес показались дома деревни. Напряжение схлынуло в момент, и он повалился в глубокий обморок прямо на дороге. По случайности через деревню как раз проходил разведотряд. Его подобрали свои.

***

Очнулся Бельков только через десять дней, а более-менее восстановили здоровье ему спустя два месяца. Но из госпиталя отправили не на фронт, – куда ему одноглазому и без двух пальцев, а по причуде судьбы – охранять пленных врагов. Там, в лагере, он и встретил одного из бывших своих сторожей и узнал от него, чем закончилась история его побега.

Тогда в погоню за Бельковым рванулись пятеро. Долго гнались. Стреляли по звуку ломающихся веток. Пока через километры бурелома не настигли раненую обезумевшую корову. Та, должно быть, сначала потерялась в суматохе, а потом нашла людей. Только хотела прижаться, а они начали стрелять. Побежала и погоню увела.

Эрика связали. Началось следствие. Сам он говорил, что задремал, не проснулся ещё толком с ночи. Тогда допросили пленных. Били. Один, как раз тот, кто сразу отказался бежать с Бельковым, и сообщил об условии игры в шашки, и кто победил. Эрика расстреляли как пособника врага, а того, кто

выдал, как предателя. Что стало с остальными пленными, рассказчик точно не знал. Куда-то их потом передали, и люди растворились в равнодушной суете войны.